Смерть нависла над дремлющим Альбусом Дамблдором, неподвижно глядя на старого смертного, не замечающего его присутствия. Его пальцы подергивались от желания атаковать и уничтожить, но он сдерживал себя железной волей, которая помогла ему пройти через бесчисленные эоны существования. Его оболочка просила сделать с человеком что-нибудь незаметное, и, несмотря на то что он обычно казался маниакальным и спонтанным, он мог быть незаметным, когда хотел.

В тот раз, когда ему было скучно, он не смог бы подтолкнуть сквибов к революции, если бы сделал это с помощью демонстрации силы. Конечно, потом он все исправил - оставить временную шкалу Истока в таком искаженном виде было бы очень плохо. Если бы ему повезло, он мог бы случайно вычеркнуть себя из жизни, не позволив себе родиться или собрать Дары.

Некоторое время возиться с прошлым было весело, но он всегда следил за тем, чтобы события, предшествовавшие его Вознесению к Смерти, были возвращены к стандартам Origin, чтобы избежать ошибок. Все, что происходило после, было свободной игрой. Ему было абсолютно все равно, что случится с "будущим", и он тысячелетиями развлекался тем, что экспериментировал с тем, что могло сойти ему с рук, пока мир не превратился в антиутопию эпических масштабов.

Нет, если Смерть и умел что-то делать, так это убирать за собой.

Несмотря на это, он хотел сделать с этим начинающим смертным множество вещей, но лишь немногие из них можно было назвать "тонкими". Смерть размышлял над вариантами с минуту, идеи и планы возникали и отбрасывались со скоростью мысли, он взвешивал возможности нескольких схем, ища ту, что доставит удовольствие его оболочке и одновременно доставит наибольшие мучения этому... этому волшебнику.

Смерть оглянулся на смертного и, недолго думая, направил на него мизерную долю своей магии, чтобы тот уснул, и проскользнул сквозь слабые ментальные барьеры. Он пролистал воспоминания человека, его сны, его самые глубокие страхи, все его сожаления, и Смерть почувствовал, как пустота, выдававшая себя за его душу, зашевелилась от предвкушения.

Смерть знал, что это будет восхитительно.

Ему придется действовать деликатно: для того чтобы воспользоваться страхами этого смертного, требовалась такая мастерская тонкость, какой он лично не испытывал уже более десяти тысяч лет. Он не мог просто раздавить смертного под каблуком и стереть его в пыль. Он должен был полностью уничтожить его, и единственный способ сделать это - разрушить все, во что он верил, все, за что боролся и проливал кровь, и выставить его перед всем миром таким, каким он был на самом деле.

Трусом. Слабая, отчаявшаяся оболочка человека, настолько искаженная смертью сестры, что он превратился в того, кто вызвал бы отвращение у Альбуса Дамблдора его детства. Смерть усмехнулся, провел языком по зубам, протянул бледную руку и занес ее над головой смертного, собирая на кончиках пальцев коварную магию.

Этому заклинанию он научился в Древнем Египте у Аватара Маат, но ему редко доводилось использовать его по назначению. Что толку заставлять врагов говорить правду, если можно просто вырвать знание из их душ? Но сейчас оно отлично ему помогло.

Заклинание погрузилось в магическое ядро смертного, обволакивая его, словно паразит, и лишая способности лгать даже самому себе. Ухмылка Смерти расширилась. Альбус Дамблдор, не способный сказать ничего, кроме чистой правды… Смерть сдержала желание истерически рассмеяться. Самым приятным, по мнению Смерти, было то, что заклинание заставляло его игнорировать тот факт, что он вообще говорит правду. Было бы совсем невесело, если бы его жертва поняла, что происходит, и просто перестала говорить вслух.

Он быстро успокоил себя и, отойдя от кровати, оглядел комнату вокруг себя, заглядывая за завесы и маскировочную магию, словно их там и не было, в поисках чего-нибудь уличающего. Ведь просто заставить его сказать правду было недостаточно: Смерти предстояло еще многое сделать, прежде чем он сможет вернуться в свою оболочку и заявить, что месть свершилась.

Его взгляд остановился на перьевом решете, спрятанном за фальшстеной, и он снова ухмыльнулся. Он шагнул к нему, но остановился, когда между ним и его целью материализовался огненный шар, издавший гневный вопль. Смерть никак не отреагировал на этот звук, хотя и знал, как мучительно было бы его воспринимать любому другому. Песня феникса, будь она бодрящей или ужасающей, нацелена на души, а у Смерти не было души, на которую можно было бы нацелиться. Он молниеносно протянул руку и выхватил феникса из воздуха, слушая, как тот закричал и вспыхнул, как только его пальцы сомкнулись на его шее.

Кучка пепла в его руке поднялась, обнажив крошечную лысую головку, а затем феникс закричал, снова воспламенившись, и через несколько секунд после своего возрождения был вынужден снова сгореть. Смерть с кривой улыбкой наблюдал за тем, как феникса заставляли возрождаться снова и снова, и с каждым возрождением его крики становились все более изломанными и рваными.

Он вспомнил, как впервые узнал, что его Прикосновение делает с фениксами. Будучи Истинными бессмертными, фениксы в достаточной степени владели плоскостью жизни, чтобы их души не могли быть удалены простым прикосновением. Смерть могла забрать душу феникса, но для этого ему нужно было очень захотеть. В противном случае магии смерти в его пальцах было достаточно, чтобы заставить феникса несколько раз пройти через одновременные дни горения. Тот, с которым он экспериментировал, выдержал около сорока сожжений, прежде чем его разум сломался от боли, и после этого он не восстал из пепла.

На двадцать четвертом сожжении Смерть наклонил руку вперед и позволил фениксу вместе с пеплом упасть на землю, перешагнув через него, пока тот скулил и плакал под ним. Это должно было научить птицу больше не вмешиваться в его дела.

http://tl.rulate.ru/book/101167/3475052